

**Двуязычие иврит-идиш
в еврейской просветительской поэзии
в Восточной Европе**

А. Л. Полян

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН, МОСКВА

Аннотация. Статья посвящена культуре Асколэ (еврейского просвещения) – течения, которое появилось в середине XVIII в. в Германии и пришло в Восточную Европу примерно веком позже. Еврейские просветители ратовали за изучение официальных языков тех стран, в которых живут евреи (немецкого, французского, английского и т. д.), и писали на них, а из еврейских языков считали достойным литературного творчества только иврит. Идиш ассоциировался с еврейской изоляцией, казался просветителям неправильным и некрасивым и потому подлежал искоренению. Однако в Восточной Европе по ряду причин просветители пишут и на идише. Статья посвящена творчеству двуязычных просветительских поэтов – Аврома Бера Готлобера (1811–1899) и Иуды Лейба Гордона (1830–1892). Их поэзия на двух языках противопоставлена по нескольким критериям: по содержанию, по интонации, по метрике, по языку. Написание поэзии на иврите мыслится как выстраивание ограды вокруг священного языка («чтобы он не был подобен городу с проломленной стеной») и потому регламентируется жесткими правилами, оно подкреплено долгой традицией. Поэзия же на идише пишется как наивная поэзия.

Ключевые слова: двуязычие, иврит, идиш, священный язык, наивная поэзия.

Полян А. Л. Двуязычие иврит-идиш в еврейской просветительской поэзии в Восточной Европе // Критика и семиотика. 2015. № 1. С. 236–247.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2015. № 1
© А. Л. Полян, 2015

УДК 821

Контактная информация: Полян Александра Леонидовна, аспирант ИЯ РАН, научный сотрудник ИСАА МГУ (Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1, Москва, 125009, alexandra.polyan@gmail.com)

Традиционно в еврейском обществе иврит и идиш находились в отношениях диглоссии: роль престижного языка (языка религии и книжности) выполнял иврит, роль вернакуляра – местные еврейские языки (идиш, джудезмо и т. д.). При этом как национальное и культурное достояние воспринимался иврит, разговорные же еврейские языки в традиционной ситуации редко ценились и вообще становились предметами рефлексии, и еврейские общины легко утрачивали один вернакуляр в пользу другого: французский и итальянский в пользу идиша, греческий в пользу джудезмо.

Парадоксальным образом в еврейском просвещении в Германии именно идиш стал концептуализироваться как язык еврейской самоидентификации – язык, связанный с еврейской изоляцией. Еврейские просветители в Германии прокламировали вытеснение идиша из всех сфер коммуникации и замену его языком титульной культуры – немецким, французским и др.

И действительно, на протяжении нескольких поколений западноевропейское еврейство практически не использовало идиш. Однако в Восточной Европе по ряду причин [Vignbaum, 1979] еврейское просвещение обращалось к идишу как к языку литературного творчества.

Сложилась ситуация, когда в рамках одной дискурсивной практики – поэзии – сосуществовали два языка с совершенно разным статусом.

Как осмыслялись при этом идиш и иврит? Иврит – как богоданный язык, дарованный людям, чтобы отличать их от животных и уподоблять ангелам [Gotlober, 1876, p. 2]. Идиш – как язык, существование которого определяется естественными законами. «Жаль, что наши гебраисты забывают, что у всех языков есть свой жаргон, и великие писатели не стыдятся писать для простого народа, который не понимает высокого языка», – пишет в предисловии к сборнику Гордона «Сихас Хулин» его издатель Л. И. Шапиро [Gordon, 1889, p. 3]. Итак, иврит дан Богом, идиш возникает сам собой по естественным причинам, функция иврита в первую очередь символическая и эстетическая, идиша – коммуникативная.

Иврит считался языком, приспособленным для поэзии: очевидность этого утверждения подкреплялась огромной традицией сочинения высокой поэзии на иврите. Идиш – языком, на котором писать стихи крайне трудно. Это представление просуществовало вплоть до самого конца XIX в.

В первой силлабо-тонической поэме на идише – поэме И. Л. Переца «Мониш» (1888 г.) читаем:

Andersh volt man lid geklingen,
 Kh'volt far goyim goyish zingen,
 Nysh' of idish, nysh' zhargon:
 Ka' rekhtn klang, ka' rekhtn ton.
 Ka' ayntsik vort nysht un ka' stil
 Hob ikh far libe, far gefil.
 <...>
 Of idish makh a kompliment –
 Es kimt arous on fis, on hent:
 “Man libe, zele, o, mayn shets!
 Es hot a tam vi lakrets-pletsl.
 Es hot ka' gayst, es hot ka' zalts –
 In shmekt nokh tsi mit genzn-shmalts!
 [Perets 1920, v. 1, 169-170]

«Иначе бы звучала моя песня, // Если бы я пел для гоев по-гойски, // А не на идише, не на жаргоне: // Ни единого верного звука, ни единого верного тона. // В нем нет подходящих слов и стиля // Для любви и чувства... На идише сделай комплимент // – он выйдет без рук и без ног. // «Man libe, zele, o, mayn shets!» – // Приторно, как лакричная пастилка. // Нет души, нет соли – // И как будто пахнет гусиным жиром!»

Шапиро, заранее восхваляя заслугу Гордона, отмечает: «как сложно писать стихи на идише, я понял, сочиняя предисловие».

На протяжении всего XIX в. поэты и прозаики, собиравшиеся написать произведение на идише, считали своим долгом оправдаться и объяснить, почему они это делают, и подчеркивали сложность стоящей перед ними задачи: писать на идише трудно, поскольку на нем ничего не написано, литературной традиции не существует и не на что опереться. В качестве достойной опоры воспринимался существующий и укорененный в традиции текст-источник на иврите, который для большинства литературных произведений на идише отсутствует [Frieden, 2012, p. 39–40].

Такое символическое отрицание существования письменной словесности на идиш продолжалось вплоть до конца XIX в., и первопроходцами чувствовали себя несколько поколений писателей [Migon, 1973, p. 34–66]. Так и издатель Гордона отмечает, что с появлением сборника стихов поэта читатели получают то, чего никогда не читали на идише: светская поэзия на идише воспринимается как нечто новое, поэзия же на иврите – как старое.

Примеры для нашей статьи взяты из текстов двух крупнейших двуязычных просветительских поэтов: Аврома Бера Готлобера (1811–1899) и Иуды Лейба Гордона (1830–1892).

Из вводного стихотворения Гордона явствует, что причиной, по которой идиш воспринимался как язык, неприспособленный для сочинения стихов, был его компилятивный характер:

Liber lezer! Ikh bet aykh mekhile,
Ir zolt nit faribl hobm khas ve-kholile,
Vos ikh red aykh in mayne mayses
Halb taych, polovine raysis.
Un a mol vet ir gor gefinen an ort
Vu es khapt zikh arayn a hoykh daych vort.
[Gordon, 1889, 4]

«Дорогой читатель! Я прошу прощения, // Чтобы Вы на меня, не дай Бог, не обиделись, // За то что я рассказываю свои истории // Наполовину по-немецки, наполовину по-русски, // А иногда Вы найдете места, // Куда прокрались литературные немецкие слова.

(И. Л. Гордон, «Прошу прощения»)

Действительно, в стихах на идише могут быть немотивированные вкрапления любых языков из актуального языкового окружения:

Vi vayt du kenst, tu gor guts,
Es vet dir dernokh akegn kumen,
Du vest dort derfun hobm groyse nuts
Tilko dos kenstu mitnemen.
[Gotlober, 1927, p. 19]

«Где только можно, твори добро, // Тебе воздастся за это, // Тебе это будет на пользу, // Тільки это ты сможешь взять с собой».

(А. Б. Готлобер, «Обманутый человек»)

Слово «тілько» выбрано явно по ритмическим соображениям: все остальные слова со значением ‘только’ односложные: *rak*, *nor*, *bloyz*.

Vorum vos znatsset a yidisher farfaser?
Er meg kenen sheva khokhmes in shivim leshoynes,
Hot er keyn broyt nit un lebt fun bizyoynes,
Un yeder fargist im zayn blut vi vaser.

«Ибо что значит еврейский автор? // Пусть он знает семь премудростей на семидесяти языках, // Но хлеба у него нет, живет он унижениями, // И каждый проливает его кровь, как воду».

Yeder farshteyt vos di povestke batayt:
Der zumer iz farbay, derv inter nit vayt.
[Gordon, 1889, p. 37]

«Каждый понимает, что значит *повестка*: // Лето прошло, зима не за горами».

(И. Л. Гордон, «Молодые годы»)

Особое внимание уделяется рифме, и отношение к ней оказывается критерием, по которому противопоставляются поэзия на идише и на иврите. Для просветительской поэзии на иврите рифма – стратегически важный элемент, если в остальных фрагментах строки строгое соответствие сефардской произносительной норме могло быть нарушено, то в рифме – никогда. Так, например, в размерах, требующих женской клаузулы, слово, помещенное в рифменную позицию, должно было произноситься с ударением на предпоследнем слоге и в сефардской традиции. В поэзии же на идише на рифму не накладывалось специальных просодических требований. Более того, поэты осознавали, что, сочиняя стихи на идише, нарушают классические правила рифмовки. И. Л. Гордон в стихотворении, открывающем его сборник «Сихас Хулин», отмечает рифменную позицию и просит прощения у своих читателей за то, что в клаузулах по необходимости употребляет лексемы любого происхождения, в том числе германизмы:

Az me' kumt a mol tsu kurts mit a gram,
Khapt aby vu a vort min hastam,
A taychishes, a rayshes – alts iz a metsie.
Az me' darf dem ganuf – nemt men im fun tlie.
[Gordon, 1889, p. 5]

«А когда не хватает рифмы, // Хватаешь абы где какое угодно слово – // Немецкое, русское – сойдет что угодно. // Если нужен вор – его и из петли достанут».

(И. Л. Гордон, «Прошу прощения»)

Действительно, в клаузулах стихотворений на идише нередко встречаются и лексические инкрустации. Вот пример немотивированного гебраизма в клаузуле:

Ir, raykhe layt fun groysn shtand,
Trakht far ayer neshome!
Haynt ligt ir af tayer betgevant,
Morgn – in der adome.

[Gotlober, 1927, p. 5]

«Вы, богатые и знатные, // Задумайтесь о своей душе! // Сегодня вы лежите в роскошных постелях – // А завтра – в земле».

(А. Б. Готлобер, «Надгробная песня»)

Слово «adome» не является широкоупотребительным, обычно значение ‘земля’ выражается германизмом *di erd*. В контекстах, связанных с похоронами, используется именно *di erd*, что подтверждается идиоматикой:

lign in dr'erd – лежать в земле (быть похороненным / покойником),

hobm emetsn in dr'erd – желать кому-л. смерти (досл. иметь кого-л. в земле)

geyn in dr'erd arayn – провалиться, согнуться, пойти к черту.

Другой пример включает клаузулу со славянизмом. В стихотворении описывается визит в местечко чиновника, приехавшего с целью учредить казенные еврейские училища, которого встретили инсценированным народным протестом:

Di oreme bokhrim, di patrones –
Un ale hobm gemuzt shrayen af yevones:
“Znat ne znayem,
Shkoles ne zelayem!”

[Gordon, 1889, p. 53]

«Бедные мальчики, патроны – // Все должны были кричать по-русски: // “Знать не знаем, // Школес не зелаем!”»

Говоря о том, как в реальности пишется поэзия на идише, просветительские авторы одновременно говорят и о том, как следует писать стихи на иврите. Таким образом, можно сделать вывод о том, что воспринималось в качестве необходимых элементов поэзии на иврите: язык, приближенный к идеалу «чистого» библейского иврита, очищенный от арамеизмов и прочих вкраплений; четкая стихотворная структура, рифма, к которой предъявляются жесткие формальные требования, в том числе грамматические. Таким образом, просветительскую идею чистоты жанра, стиля и языка, унаследованную от французских классицистов, авторы еврейской просветительской поэзии толковали двояко: как свойство поэзии и как свойство иврита.

Просветительские представления об идеальном языке можно выразить словосочетанием на иврите «לשון קודש». Однозначно перевести его трудно, поскольку прилагательное קודש при существительном לשון – ‘язык’ – имеет несколько значений: ‘красивый’, ‘правильный’, ‘стройный’, ‘чистый и ‘беспримесный’ [Shavit, 1993]. Идиш не удовлетворял ни одному из этих определений: это язык компилятивный (а потому не «беспримесный»), из-за своего сходства с немецким он воспринимался как «испорченный немецкий», а из-за его грамматических отличий от немецкого языка – как «язык без грамматики», а потому язык неправильный.

Иврит воспринимается просветителями как язык, существующий в нескольких вариантах, из которых правильный только один: с точки зрения извода языка, правилен библейский иврит (а мишнаитский и средневековый – «испорченные»), с точки зрения произношения – сефардский иврит (ашкеназское же произношение воспринимается как менее аутентичное и менее правильное). Для поэзии выбираются лишь «правильные» варианты.

Идиш воспринимается иначе. В эпоху существования просветительской поэзии еще не существовало литературного идиша и междиалектного произносительного стандарта. Соответственно не могло существовать и фонетического пуризма. Поэтому в просветительской поэзии столь часты диалектные рифмы – рифмы, которые могут реализоваться как созвучия, лишь будучи произнесенными в рамках фонетики того или иного диалекта.

В восточноевропейском идише выделяются две основные группы диалектов: северная (литовский, белорусский, курляндский диалекты) и южная (подразделяющаяся на две основные ветви: центральную – ряд польских диалектов, и восточную – украинские, молдавские и румынские диалекты). Диалекты противопоставлены друг другу в первую очередь фонетически, и прежде всего – реализацией системы гласных фонем:

Северные диалекты	Южные диалекты	
	центральная ветвь	восточная ветвь
А	А	О
Ау	Ā	ay \ ā
О	U	U
Оу	ou \ u	ou \ u
eu (1)	ou	ou
eu (2)	Eu	Eu
Е	Е	Eu
І	i \ ī	i \ y
У	І	І
и (в закрытом заударном слоге)	Е	Е

Кроме того, есть ряд отличий в консонантизме: в северных диалектах нейтрализуются некоторые фонологические оппозиции: s – sh, z – zh, ts – ch, dz – dzh, сохраняющиеся в южных диалектах. Инновацией некоторых южных диалектов является оглушение звонких согласных на конце слова и смягчение на конце слова [k] после гласных переднего ряда. В ряде диалектов – как южных, так и некоторых северных, – не произносится /h/ в начале слова, в некоторых южных – еще и в интервокальной позиции.

А. Б. Готлобер писал на подольском диалекте:

Стандартное произношение	Подольский диалект
Derzet er plutsem emetsn shteyn, A teyl zogn a kishef-makher, Andere meynen nokh glaykher, Az dos iz take der ruekh geven.	Derzeyt er plitsem emetsn shteyn, A teyl zugn a kishef-makher, Ondere meynen nukh gliakher, Az dus i(z) take der rikh geveyn.

[Gotlober, 1927, p. 10–11]

«Вдруг он видит: кто-то стоит. // Одни говорят – волшебник, // Другие – больше того, // Это сам черт».

Обе рифмы могут быть реализованы только в ряде южных диалектов, где происходит монофтонгизация гласных и нейтрализация оппозиций ey – e и ay – a.

Другая оппозиция, нейтрализованная во всех южных диалектах, – это u – i:

Стандартное произношение	Подольский диалект
Biz er iz givorn dar vi a finger Un iz take gishtorbm far hunger.	Biz er iz givorn dar vi a finger In i(z) take gishtorbm far (h)inger.

[Gotlober, 1927, p. 13]

«...Пока он не стал тонким, как палец, // И умер от голода».

(А. Б. Готлобер, «Бедный богач»)

На северном диалекте идиша ни одна из приведенных в выдержке из этого стихотворения трех рифменных пар этого четверостишия не будет реализована: shteyn:geveyn будет произноситься как s(h)teyn:geven, makher:glakher – как makher:glaykher, finger:hinger – как finger:hunger.

И. Л. Гордон – носитель северного (литовского) диалекта. Он рифмует слова, которые не созвучны в южных диалектах: shats:pats (shats:pach), ad heyne:seyne (ad heyne:soyne), sheydim:beydem (sheydim:boydem), armut:parmut (armut:parmet), maske:skazke (mashke:skazke).

В заслугу поэзии на иврите ставится ее упорядоченность правилами, системой формальных ограничений. «Я пришел – и решил, что настало время создать языку нашему ограду, чтобы не был он как город, стена ко-

торого проломлена...», – пишет Готлобер в своем руководстве по метрике [Gotlober, 1876, p. 3]. Образ языка как города, стены которого поддаются под напором неправильного сочинения стихов или употребления язык, используется и в более ранних руководствах по стихосложению. Например, автор XVI в. Шемуэль Аркевольти пишет: «Стоит выбросить из головы желание придумывать слова, которых никогда не было, как будто наш язык – город, стена которого проломлена...» [Archevolti, 1734, p. 102]

Такой образ отражает восприятие языка как завершенной системы, нарушать границы которой запрещено. Идиш не воспринимается как завершенная система. Поэзия на идише не располагает такими ограничениями, а значит, в ней отсутствует традиция и она не подлежит формальному осмыслению. Действительно, правилам сложения стихов на иврите посвящено не одно руководство [Shavit, 1983], написанию же стихов на идише – ничего.

В отношении идиша проблема иностранных влияний и порчи языка не ставится, так как он воспринимается как язык, испорченный изначально.

Наконец, образ иврита и идиша в просветительской поэзии формируются в зависимости от того, что на этих языках написано. И если с ивритом ассоциируется мощная традиция священных текстов и художественной литературы, то вот как выглядит перечень авторитетных текстов и их авторов для идиша:

Mir iz heylik der losn fun “Tsene rene”,
Der losn vos ale yidn redn.
Der losn fun mayn alter bobbe Khyene,
Zol zi hobm a likhtikn Gan-eyden...
[Gordon, 1889, p. 5]

«Для меня свят язык Цене-рене¹, // Язык, на котором говорят все евреи.
// Язык моей прабабушки Хени, // Пусть земля ей будет пухом...»
(И. Л. Гордон, «Прошу прощения»)

Наконец, две поэтические системы предполагают разную поэтическую интонацию. Перу И. Л. Гордона принадлежат два стихотворения со сходными названиями: «Far vemen ikh shrayb» («Для кого я пишу», идиш) и «Le-mi ani omeyl» («Для кого я тружусь», иврит). Лирический субъект стихотворения на идише настроен скептически. Описав свой читательский круг (страдающих бедняков местечка), он замечает:

Dentsmol erst hob ikh batrakht
Un hob kharote gekrogn:

¹ Пятикнижие в переложении на идиш с комментариями, классическая книга XVII в. для женского чтения.

Af vos hob ikh mayn lebm farbrakht?
Tsu vos hob ikh mir derslogn?
[Gordon, 1889, 46]

«Только тогда я осмотрел это все – // И горько пожалел: // На что я потратил свою жизнь? // Чего добился?»

Лирическому субъекту ивритоязычного стихотворения подобный скепсис чужд.

Oyd bas a-shiro eylay misganeves,
Oyd libi hoyge wimini koyseves,
Koyseves shirim u-v-sofo nishkakhas.
Ma-yish'i, ma-kheftsi u-magamas ponoy,
U-le-mi ani omeyl mivkhar kol shonoy
U-mkhaser nafshi mi-toyvo va-nakhas?
<...>

Неу ашер тihу u-va-asher shomo!
Li-sfas ever toymru: akhos rukhomo,
Nivi loy tivzu, toymru li: akhinu.
U-v-oyd rabim akrey royshom yoniu
Lokhem shiray ele rukhi yabiu,
Atem teydu nafshi, libi tovinu.

[Gordon, 1898, vol. 1, p. 69]

«Пока ко мне приходят стихи, // Пока сердце стучит и десница пишет – // Пишет стихи на забытом языке. // В чем мое спасение, мое желание, моя цель, // Для кого тружусь я все эти годы // И не даю душе блага и покоя? <...> Будьте там, будьте! // Древнееврейскому языку скажите: сестра возлюбленная! // Языка моего не презирайте, скажите мне: ты наш брат. // И пока // Вам в стихах изолью мою душу – // И вы поймете помыслы моего сердца».

Французский классицизм предлагал четкое разделение литературных практик: трагедия должна была писаться стихом, комедия – прозой. Еврейская просветительская литература в Восточной Европе формирует систему, в которой функции разделены между языками (полисистему, в терминологии И. Эвен Зоара): высокая поэзия пишется на иврите, низкая – на идише.

Неосознание идиша как литературного языка влечет за собой отказ от системного представления о жанровой системе и жанровый синкретизм, в то время как поэзия на иврите подчинена строгим жанровым ограничениям. Поэзия на идише оказывается открытой литературной системой: жанровое и тематическое влияние современной титульной культуры (появление реалистической лирика а-la Некрасов, разрушение системы жанров) заметно именно в поэзии на идише.

Список литературы

- Archevolti Sh.* Sefer 'arugat ha-bosem. Amsterdam, 1734.
- Birnbaum S.A.* Yiddish. A Survey and a Grammar. University of Toronto Press, 1979.
- Frieden K.* The Suppression of Yiddish by the Early Hasidim and Their Opponents // Between Yiddish and Hebrew. Ed. by Shlomo Berger. Amsterdam Yiddish Symposium 7. Amsterdam 2012, Menasseh ben Israel Institute, 2012. P. 37–54.
- Gordon I. L.* Sikhes khulin. Varshe, 1889.
- Gordon I. L.* Kol širey Yehudo Leyb Gordon, Yešonim gom xodošim. Vilna, 1898.
- Gotlober A. B.* Igeres biqoyres: peles u-moyzne-mišqal ha-širo ha-ivris be-artsoys ha-germanim ve-ha-slavim. Vilna, 1876.
- Gotlober A. B.* A. B. Gotlobers yidiše verk. Vilne, 1927.
- Miron D.* A Traveler Disguised: The Rise of Modern Yiddish Fiction in the Nineteenth Century. N. Y., 1973.
- Perets Y. L.* Di verk fun Yitskhok Leybush Perets. N. Y., 1920. Vol. 1: Lider.
- Shavit Y.* A Duty too Heavy to Bear: Hebrew in the Berlin Haskalah, 1783-1819: Between Classic, Modern, and Romantic // Hebrew in Ashkenaz: A Language in Exile. Ed. by Lewish Glinert. NY-Oxford, 1993. P. 111–128.

Article metadata

Title: Hebrew-Yiddish Bilingualism in European Educational Poetry in Eastern Europe

Author: A. L. Polyan

Author's e-mail: alexandra.polyan@gmail.com

Author affiliation: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

Abstract: The subject of the paper is Haskalah – Jewish Enlightenment, which emerged in Prussia in the middle XVIII century and reached Eastern Europe about a century later. The maskilim called for learning official languages of the countries the Jews lived in (German, French, English, etc.) and wrote in them. Of the Jewish languages, Hebrew was the only language regarded adjusted for creating literature. Yiddish was perceived as the language of Jewish isolation, as a distorted and deformed language, and, therefore, was to have been eradicated. In Eastern Europe, however, the maskilim used it as a vehicle for literary creativity. The paper focuses on two bilingual poets – Avrom (Avraham) Ber Gotlober (1811–1899) and Yehuda Leib Gordon (1830–1892). Their poetry in Hebrew and Yiddish can be juxtaposed: they have entirely different contents, metrics and language. Creating poetry in Hebrew was regarded as erecting a protecting wall around the sacred language (“may it not resemble a

city which walls have been breached”) and, therefore, is regulated by strict rules. It is deeply rooted in the strong old tradition. Yiddish poetry is created as naïve.

Key terms: bilingualism, Hebrew, Yiddish, sacred language, naïve poetry.

Reference literature (in transliteration):

Archevolti Sh. Sefer ‘arugat ha-bosem. Amsterdam, 1734.

Birnbaum S.A. Yiddish. A Survey and a Grammar. University of Toronto Press, 1979.

Frieden K. The Suppression of Yiddish by the Early Hasidim and Their Opponents // Between Yiddish and Hebrew. Ed. by Shlomo Berger. Amsterdam Yiddish Symposium 7. Amsterdam 2012, Menasseh ben Israel Institute, 2012. P. 37–54.

Gordon I. L. Sikhes khulin. Varshe, 1889.

Gordon I. L. Kol širey Yehudo Leyb Gordon, Yešonim gom xodošim. Vilna, 1898.

Gotlober A. B. Igeres biqoyres: peles u-moyzne-mišqal ha-širo ha-ivris be-artsoys ha-germanim ve-ha-slavim. Vilna, 1876.

Gotlober A. B. A. B. Gotlobers yidiše verk. Vilne, 1927.

Miron D. A Traveler Disguised: The Rise of Modern Yiddish Fiction in the Nineteenth Century. N. Y., 1973.

Perets Y. L. Di verk fun Yitskhok Leybush Perets. N. Y., 1920. Vol. 1: Lider.

Shavit Y. A Duty too Heavy to Bear: Hebrew in the Berlin Haskalah, 1783-1819: Between Classic, Modern, and Romantic // Hebrew in Ashkenaz: A Language in Exile. Ed. by Lewish Glinert. NY-Oxford, 1993. P. 111–128.